

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ВИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ*

В.В. ИВАНЕНКО,

ведущий специалист отдела общих положений об обязательствах
Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, магистр частного права (РШЧП)

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-1-7-70>

В статье рассматривается вопрос о том, должно ли содержание вины в гражданском праве во всех случаях быть структурировано одинаковым образом или же с теоретической и практической точки зрения предпочтителен подход, при котором вина от случая к случаю может иметь разное содержание. По результатам анализа различных концепций вины обосновывается, что гражданско-правовая вина должна включать в свое содержание поведение лица (поведенческую составляющую) и его психическое отношение (психическую составляющую), которые не соответствуют стандарту осмотрительного лица, также состоящему из двух взаимосвязанных элементов: поведенческого и психического. Продемонстрировано, что аналитическое обособление поведенческой составляющей вины при определенных условиях позволяет сохранить те практические преимущества, которыми обладает исключительно поведенческая неосторожность.

Ключевые слова: вина; умысел; неосторожность; стандарт осмотрительного лица; противоправность.

* Автор выражает благодарность А.А. Ягельницкому за высказанные в ходе написания данной работы критические замечания и предложения. В то же время за любые ошибки и недочеты работы отвечает исключительно автор.

THE CONTENT OF FAULT IN CIVIL LAW: IN SEARCH OF AN OPTIMAL SOLUTION

V.V. IVANENKO,

Leading Specialist, Department of General Provisions on Obligations,
Alexeev Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation,
PhD Student, Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation, Master of Private Law
(Russian School of Private Law)

The paper considers the question of whether the content of fault in civil law should be structured in the same way for all situations, or from a theoretical and practical point of view, an approach is preferable under which fault may have different content from case to case. Based on the results of the analysis of various concepts of fault, it is proved that civil fault should include in its content the behavior of a person (behavioral component) and his state of mind (mental component), which do not meet the standard of a prudent person, also consisting of two interrelated elements: behavioral and mental. Further, it is demonstrated that the analytical isolation of the behavioral component of fault under certain conditions allows to preserve the practical advantages that behavioral negligence has.

Keywords: fault; intent; negligence; standard of a prudent person; wrongfulness.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вина занимает важное, если не сказать центральное, место в системе условий для привлечения лица к юридической ответственности. Однако, несмотря на этот очевидный факт, споры о том, что из себя представляет вина в праве, не прекращаются до сих пор и вряд ли когда-либо прекратятся. Представляется, что сложность определения правовой вины обусловлена тремя основными факторами.

Первый из них – поиск баланса между объективными и субъективными проявлениями вины, который является частью более общей проблемы отражения человеческой индивидуальности в формальной правовой системе. Вина является тем правовым институтом, в рамках которого проблема отражения субъективности в праве окрашена самыми яркими красками, ведь от степени такого отражения зависит решение вопроса о том, кто должен нести бремя возникшего вреда. Чем

больше мы субъективизируем¹ вину, тем больше вероятность того, что вред останется лежать на потерпевшем по причине индивидуальности отдельного правонарушителя. Это обстоятельство заставляет исследователя ставить множество сложных вопросов, требующих своего решения. Например, в чем именно проявляется вина правонарушителя – в его поведении или в психическом отношении к своему поведению (последствиям)? Что должно быть мерилom для установления вины – возможности правонарушителя или поведение образцового человека? Должно ли поведение такого образцового лица основываться на средних мерках или же образцом должно быть поведение лучших представителей общества?

Второй фактор, провоцирующий многообразие точек зрения на вину, – это включенность вины в систему условий для привлечения лица к ответственности² (вред, причинно-следственная связь, противоправность, вина), что означает ее зависимость от иных элементов системы и ее места в системе. Ярким примером такой взаимообусловленности является проблема соотношения вины и противоправности. Определение содержания одной правовой категории неминуемо влияет на содержание второй, и наоборот. Как следствие, воззрения того или иного юриста на вину становятся зависимыми не только от понимания вины как таковой, но и от его понимания противоправности. Имея даже смутное представление об одной категории, юрист волей-неволей начинает подстраивать под нее содержание второй. В результате определение каждой их взаимообусловленных категорий становится в зависимость от того, какая из категорий берется за «точку опоры», «начальный пункт», что очевидно является случайным фактором. Тем не менее представляется, что было бы ошибкой пытаться найти место вине в системе условий для привлечения лица к ответственности, предварительно абстрактно раскрыв содержание этой категории от начала и до конца, вне системы условий. Представляется, что в отсутствие какой-либо predeterminedности в содержании отдельных элементов системы каждый вариант «настройки» системы должен быть проанализирован на предмет наличия у него преимуществ и недостатков, как теоретических, так и практических. Лишь после такого анализа можно будет с уверенностью определить каждый элемент системы. Этим обстоятельством будет обусловлено наше постоянное обращение к другим условиям гражданско-правовой ответственности. При этом поскольку невозможно в рамках одной публикации осуществить «настройку» всей системы условий, зачастую наши выводы о вине будут иметь лишь предварительный характер.

¹ Субъективизация вины может проявляться либо в персонализации стандарта должного поведения, нарушение которого образует вину, – чем больше особенностей правонарушителя учитывает суд, тем большая степень персонализации, либо в психологизации вины – учет психического отношения лица к его поведению и возможным последствиям. Противоположностью субъективизации вины является ее объективизация.

² Формулировки «условия для привлечения лица к ответственности» и «условия ответственности» используются в настоящей работе как взаимозаменяемые.

Последнее обстоятельство, затрудняющее определение единого подхода к гражданско-правовой вине, – признание юридических лиц самостоятельными субъектами гражданского права. Вина юридического лица уже давно является предметом оживленных дискуссий в зарубежной и отечественной доктрине¹. Связано это с особенностью самого юридического лица, которое, являясь фиктивным образованием, не обладает сознанием и волей, а потому определять его вину по аналогии с человеческой невозможно. В связи с этим стали предприниматься попытки пойти иным путем, в соответствии с которым вместо вины юридического лица стала обсуждаться его ответственность за действия (бездействие) тех лиц, которые причастны к его функционированию. Так, в немецкой доктрине вина юридического лица не рассматривается как самостоятельная категория², в то время как § 31 Германского гражданского уложения³ (далее – ГГУ) предписывает, что корпоративное образование несет ответственность за ущерб, причиненный действиями его правления, членов правления, уставных представителей при исполнении ими своих обязанностей. То же самое мы обнаружим, если обратимся к Принципам европейского деликтного права⁴, ст. 6.102 которых предписывает, что лицо отвечает за вред, причиненный его помощниками (*auxiliaries*) при исполнении ими своих служебных обязанностей, если они нарушили требуемый стандарт поведения. При этом в комментарии к этой статье указано, что помощником нужно считать не только работника, но и орган юридического лица⁵. Подобный подход кажется более предпочтительным, поскольку категория вины юридического лица не имеет каких-либо теоретических или практических преимуществ, но лишь вводит в заблуждение, всегда скрывая за собою виновные поведения людей. Скорее необходимо исследовать вопрос о том, недолжное поведение каких физических лиц может быть вменено юридическому лицу и в каких случаях, а также какое это поведение,

¹ См. об этом: *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. С. 211–212; *Матвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве / отв. ред. К.П. Николаев. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. С. 201–236; *Малеин Н.С.* Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях / отв. ред. В.В. Лаптев. М.: Наука, 1968. С. 48–86; *Рабинович Ф.Л.* Вина как основание договорной ответственности предприятия. М.: Юрид. лит., 1975. С. 33–64; *Грибанов В.П.* Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей / *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 340.

² См. об этом, например: *von Bar C.* Gemeineuropäisches Deliktsrecht. Bd. 2: Schaden und Schadenersatz, Haftung für und ohne eigenes Fehlverhalten, Kausalität und Verteidigungsgründe. München: C.H. Beck, 1999. S. 209–217; *Brüggemeier G.* Haftungsrecht: Struktur, Prinzipien, Schutzbereich (Enzyklopädie der Rechts- und Staatswissenschaft Abteilung Rechtswissenschaft). Berlin: Springer, 2006. S. 119–120.

³ Bürgerliches Gesetzbuch vom 18.08.1896 (zuletzt geändert vom 21.12.2021) // <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb>.

⁴ Principles of European Tort Law // <http://www.egtl.org/petl.html>.

⁵ *Moréteau O.*, in: Principles of European Tort Law: Text and Commentary. Wien: Springer, 2005. P. 119.

учитывая функциональную взаимосвязь сразу нескольких физических лиц внутри юридического лица¹.

По указанным трем причинам – сложность поиска баланса между объективными и субъективными проявлениями вины, зависимость вины от других условий ответственности, специфика юридических лиц как субъектов гражданского права – мы не ставили себе целью полным образом определить гражданско-правовую вину в рамках настоящей публикации, в том числе мы не стали на настоящем этапе вводить в предмет исследования другие условия ответственности для того, чтобы не усложнять изложение. Однако нами будет обосновано, что содержание гражданско-правовой вины должно быть структурировано одинаковым образом для всех ситуаций, т.е. гражданско-правовая вина в форме как умысла, так и неосторожности должна включать в свое содержание поведение лица (поведенческую составляющую) и его психическое отношение к своему поведению и наступившим последствиям (психическую составляющую). При этом критерием установления обеих форм вины может выступать стандарт осмотра лица, также состоящий из двух взаимосвязанных элементов: поведенческого и психического.

Помимо вступительной части и заключения работа включает в себя шесть параграфов. Во втором параграфе мы кратко осветим дискуссию в отечественной науке гражданского права по поводу содержания вины. В третьем будет показано, что психическое отношение правонарушителя имеет значение для гражданско-правовой ответственности, а из умысла не может быть исключен психический элемент. Возможные варианты решения проблемы сосуществования поведенческой неосторожности и психического умысла в гражданском праве будут описаны в четвертом параграфе. В рамках пятого параграфа мы попытаемся найти что-то общее между психическим умыслом и поведенческой неосторожностью. Шестой параграф будет посвящен конструкции гипотетического лица как способу установления должного поведения. В седьмом будет предпринята попытка с учетом результатов, полученных в рамках предшествующих разделов, обозначить основные черты такого понимания гражданско-правовой вины, при котором содержания обеих форм вины² были бы согласованы друг с другом, сохраняя преимущества исключительно поведенческой неосторожности и сугубо психического умысла.

¹ См. также об этом: *Агарков М.М. Обязательства из причинения вреда (Действующее право и задачи Гражданского кодекса СССР) / Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2012. С. 470–475.*

² Следуя отечественной научной традиции, в настоящей работе для обозначения умысла и неосторожности (простой и грубой) мы используем понятие «форма вины», однако стоит отметить, что действующий Гражданский кодекс использует понятие «степень вины», отчего заслуживает отдельного исследования вопрос о соотношении указанных понятий и обозначаемых ими категорий.

2. СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ВИНЫ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Все многообразие точек зрения на вину можно свести к двум основным концепциям, которые в литературе обозначаются как психическая концепция вины и поведенческая концепция¹. Максимально упрощая, под виной в рамках психической концепции понимают психическое отношение лица к своему поведению и (или) наступившим последствиям, которое проявляется в интеллектуальном элементе: осознавал, предвидел, должен был осознавать, должен был предвидеть – и в волевом элементе: не желал, относился безразлично (допускал), желал. Поведенческая вина, в свою очередь, традиционно описывается как нарушение стандарта поведения образцового представителя общества, невыполнение требований заботливости и осмотрительности и т.п.

Долгое время в отечественном гражданском праве господствовала психическая концепция вины². Связано это было с верой многих юристов в то, что, во-первых, в праве существует единое понятие вины, универсальное для уголовного, гражданского и любого другого права³, во-вторых, с убежденностью, что

¹ Кузнецова О.А. Юридическая вина в условиях конвергенции частного и публичного права // Научные воззрения профессора Г.Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения): сборник материалов Межд. научно-практ. конференции (Казань, 1–2 марта 2013 г.) / под ред. Д.Х. Валеева, К. Рончки, З.Ф. Сафина, М.Ю. Челышева. М.: Статут, 2014. С. 394–397.

² См., например: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. С. 574; *Яблочков Т.М.* Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков: в 2 т. Т. 1. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1910. С. 65; *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву / *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. С. 208; *Гражданское право: учебник. Т. 1* / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 322–323; *Антимонов Б.С.* Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М.: Госюриздат, 1950. С. 90; *Новицкий И.Б., Луц Л.А.* Общее учение об обязательстве. М.: Юрид. лит., 1950. С. 319: «Вина предполагает определенное отношение человека к его собственному противоправному поведению (действию или бездействию) <...> Отношение лица к его собственному противоправному поведению определяется как интеллектуальным моментом (предвидением, пониманием реально-возможных последствий данного поступка), так и волевым моментом (желанием или нежеланием этих последствий или безразличным отношением к этим последствиям)»; *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 178: «...психическое отношение нарушителя социалистического гражданского правопорядка в форме умысла или неосторожности к своим противоправным действиям и их вредным последствиям»; *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 29; *Белякова А.М.* Имущественная ответственность за причинение вреда. М.: Юрид. лит., 1979. С. 26; *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. С. 72; *Рабинович Ф.Л.* Указ. соч. С. 20; *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М.: Юрид. лит., 1976. С. 17; *Смирнов В.Т., Собчак А.А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 79; *Грибанов В.П.* Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. С. 338–339.

³ В частности: *Кривцов А.С.* Общее учение об убытках. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. С. 95: «Суть дела заключается просто в том, что в области гражданского права «вина» не может выступать чем-либо иным в сравнении со значением, придаваемым этому понятию в области права уголовного»; *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 170; *Тархов В.А.* Указ. соч. С. 73, 97; *Флейшиц Е.А.* Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения / *Флейшиц Е.А.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2015. С. 426.

категория вины в наибольшей степени разработана криминалистами, а потому представители всех остальных отраслей права должны опираться на уже существующую доктрину уголовно-правовой вины^{1,2}.

В советский период науки гражданского права психологизация вины была обусловлена среди прочего господствовавшей в советском обществе идеологией, отрицающей деление права на публичное и частное³. Это, в свою очередь, ограничивало возможности советских цивилистов обосновывать специфику гражданско-правовой ответственности и вины, способствовало привнесению в гражданское право чуждых ему положений и методов исследования из других наук и областей познания (материалистической философии, советской психологии, уголовного права)⁴, а также приводило к признанию за гражданско-правовой ответственностью воспитательной функции, для которой в большей степени подходит психическая концепция вины⁵.

Несмотря на эти укоренившиеся в сознании многих юристов установки, преимущественно с конца прошлого столетия начался постепенный процесс «эмансипации» регулирования гражданско-правовой ответственности от уголовного права и советской идеологии, что в первую очередь сказалось на понимании вины. Все больше цивилистов стали заявлять о том, что уголовно-правовая концепция вины не подходит для справедливого разрешения гражданско-правового спора, поскольку в отличие от уголовного права задачей гражданского права является возмещение вреда, а не наказание. По этой причине, считают эти цивилисты, гражданскому праву должно быть безразлично психическое отношение правонарушителя к последствиям его деяния⁶. В научной литературе и в ведущих учебниках по гражданскому праву вину стали определять как отклонение от поведения образцового гипотетического участника оборота, непринятие требуемых

¹ Иоффе О.С. Значение вины в советском гражданском праве // Вопросы государства и права. Л., 1951. С. 119; Антимонов Б.С. Указ. соч. С. 88–89; Матвеев Г.К. Указ. соч. С. 169–170 (автор, однако, отмечает, что «несмотря на общность понятия вины в советском праве, вина в гражданском праве имеет целый ряд существенных специфических черт и зачастую приобретает особый смысл»).

² Описанная ситуация была характерна не только для российского права. Например, в Германии доктрина уголовного права также оказывала сильное влияние на право возмещения вреда, в результате чего немецкие цивилисты долгое время использовали наработки о психической вине. См. об этом подробнее: Brüggeheimer G. Op. cit. S. 44–45.

³ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2011. С. 754 (автор раздела – В.В. Витрянский).

⁴ Там же. С. 752.

⁵ См. о воспитательной функции гражданско-правовой ответственности подробнее: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 27–30; Матвеев Г.К. Указ. соч. С. 167; Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Теория и практика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 13–14.

⁶ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. С. 727 (автор раздела – В.В. Витрянский); см. также об этом: Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. № 4, 5 (СПС «КонсультантПлюс»).

мер осмотрительности и заботливости¹. Е.А. Суханов, к примеру, характеризует описанный подход к гражданско-правовой вине следующим образом: «вина в гражданском праве рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как неприятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации.<...> Иначе говоря, здесь вина переводится из области трудно доказуемых субъективных психических ощущений конкретного человека в область объективно возможного поведения участников имущественных отношений, где их реальное поведение сопоставляется с определенным масштабом должного поведения»².

Однако нельзя сказать, что такая позиция стала общепринятой в отечественной доктрине. Несмотря на очевидную тенденцию объективизации гражданско-правовой вины, некоторые цивилисты то ли в силу своей убежденности в верности психической концепции вины, то ли в силу традиции или инертности продолжают определять вину в гражданском праве как психическое отношение правонарушителя³.

Может создаться впечатление, что стремление уйти от психического понимания вины нашло свое отражение и на уровне закона. Так, в п. 1 ст. 71 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик⁴ впервые в истории отечественного гражданского права невиновность стала определяться как принятие должником всех зависящих от него мер для надлежащего исполнения обязательства. В дальнейшем уже в ГК РФ⁵ было закреплено схожее определение невиновности, которое, по мнению многих цивилистов, исходит из поведен-

¹ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. С. 150; Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юрид. лит., 1991. С. 41; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. С. 1088 (автор раздела – С.М. Корнеев); Маркелова А.А. Соотношение вины и противоправности в деликтах государства // Договоры и обязательства. Т. 2: Особенная часть / сост. и отв. ред. А.В. Егоров, А.А. Новицкая. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 123; Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2019. С. 229.

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 1998. С. 448 (автор раздела – Е.А. Суханов).

³ Гражданское право: учебник / под общ. ред. С.С. Алексеева. М.: Проспект, 2012. С. 536 (автор раздела – Б.М. Гонгало); Кузнецова О.А. Категория вины в цивилистической науке и кодификациях гражданского законодательства стран СНГ // Актуальные проблемы гражданского права: сб. науч. тр. Минск: МИТСО, 2012. Вып. 1. С. 134–152; Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве. М.: Статут, 2013. С. 57: «вина – носит субъективный характер, и именно в вине находит выражение психическое отношение лица к совершенному им противоправному действию и его последствиям».

⁴ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ческой концепции вины¹: лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства (абз. 2 п. 1 ст. 401 Кодекса).

Несмотря на нашу убежденность в том, что положения закона не могут ограничивать развитие научной мысли, мы предвосхищаем возможные аргументы сторонников поведенческой вины, а потому сразу же ответим на следующий вопрос: действительно ли абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ исходит их концепции поведенческой вины, не оставляя в гражданском праве места для вины в психическом ее понимании?

Начнем с того, что указание в процитированном определении невиновности на «принятие всех мер», т.е. на совершение определенных действий или бездействие, очевидно свидетельствует, что законодательное определение стандарта невиновности предполагает включение в стандарт поведенческую, видимую третьим лицам, составляющую. Однако этот вывод сам по себе не означает закрепление на уровне закона сугубо поведенческой вины.

Если бы ГК РФ исходил из концепции недифференцированной вины, т.е. не различал умысел и неосторожность, то можно было бы заключить, что абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ закрепляет поведенческую концепцию вины. Однако разработчики действующего ГК РФ не стали отказываться от различения умысла и неосторожности, в связи с чем встал и до сих пор встает вопрос о том, как согласовать положение абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ с сохранением в гражданском законодательстве умысла, который в отличие от неосторожности традиционно определяется как исключительно психическая категория. Можно выделить две точки зрения по этому поводу.

Некоторые авторы рассматривают интересующее нас положение ст. 401 ГК РФ как указание на неосторожную форму вины, точнее на стандарт осторожного поведения, в то время как умысел по-прежнему определяется ими как намерение причинить вред, т.е. как психическая категория².

¹ К примеру, такой позиции придерживается Ю.А. Голубцова: *Голубцова Ю.А.* Юридическая конструкция вины в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2015.

² *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Указ. соч. С. 762–763 (автор раздела – В.В. Витрянский); *Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов.* С. 1088–1089 (автор раздела – С.М. Корнеев); *Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. Е.А. Суханов.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. С. 498 (автор раздела – А.А. Ягельницкий); см. об этом также: *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 82; *Старцева Ю.В.* Принцип вины и ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности // *Опыты цивилистического исследования: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков.* Вып. 3. М.: Статут, 2019. С. 317; *судебная практика: постановление АС Уральского округа от 20 мая 2020 г. № Ф09-2112/20 по делу № А60-49336/2019 // СПС «КонсультантПлюс»: «Вина причинителя вреда (презюмируемая в ситуации взыскания убытков) может выражаться как в форме умысла, так и грубой или простой неосторожности (психическое отношение физического лица к совершаемому им деянию, либо соответствие/несоответствие конкретного действия/бездействия субъекта гражданского оборота модели разумного поведения любого добросовестно лица в аналогичной ситуации)».*

Другие цивилисты выступают за понимание вины во всех ее проявлениях как поведенческой вины, определяя умысел как непринятие минимальных мер осмотрительности и заботливости¹. По такому пути, судя по всему, пошли и разработчики постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», в п. 7 которого содержится следующее разъяснение: «в обоснование отсутствия умысла должником, ответственность которого устранена или ограничена соглашением сторон, могут быть представлены доказательства того, что им проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства»². С другой стороны, упомянутое разъяснение может быть истолковано таким образом, что Пленум ВС РФ лишь указывает на одно из возможных доказательств невиновности лица, однако само по себе проявление минимальной степени заботливости и осмотрительности не препятствует установлению умысла. Это может иметь значение в тех случаях, когда лицо лишь создавало видимость принятия мер по исполнению обязательства, имея при этом намерение его нарушить. Тем

Аналогичные взгляды распространены и в зарубежной литературе: *Deutsch E. Haftungsrecht. Bd. 1: Allgemeine Lehren. Köln; Berlin; Bonn; München: Carl Heymanns, 1976. S. 215–235, 252; Brügge-meier G. Op. cit. S. 32, 42; Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. 1: Allgemeiner Teil. München: C.H. Beck, 1960. S. 279–283; Schermaier M.J., in: Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. Bd. 2: Schuldrecht: Allgemeiner Teil / Hrsg. von M. Schmoeckel, J. Rückert, R. Zimmermann. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. S. 1035; Cane P. The Anatomy of Tort Law. Oxford: Hart Publishing, 1997. P. 36: «Фундаментальное различие в деликтном праве между обдуманностью, намерением и безрассудством, с одной стороны, и небрежностью – с другой, заключается в том, что, в то время как первые понятия относятся к душевным состояниям, небрежность относится к стандарту поведения».*

¹ *Тололаева Н.В.* Признание сделки недействительной и ответственность по договору: разъяснения ВС РФ. М.: Акцион-Медиа, 2017. С. 63–64; *Старцева Ю.В.* Указ. соч. С. 320.

В зарубежной литературе также встречается такая точка зрения (например: *Heck P. Grundriss des Schuldrechts. Tübingen: J.C.B. Mohr (P. Siebeck), 1929. S. 79*), которая, однако, не получила широкого признания. См. также об этом: *Schermaier M.J. Op. cit. S. 1148*.

В развитых правовых системах общепринятой является точка зрения на умысел как на психическую категорию: *Unification of Tort Law: Fault / Ed. by P. Widmer. The Hague: Kluwer Law International, 2005. P. 18 (Австрия), 57 (Чехия), 76 (Великобритания), 112 (Германия), 190 (Португалия), 250 (Испания); см. также положение VI.-3:101 Модельных правил европейского частного права: «Лицо умышленно причиняет юридически значимый вред, когда это лицо причиняет такой вред либо: а) намереваясь причинить вред, который возник, и б) поведением, которое это лицо намеревается совершить, зная, что такой вред или вред такого рода будет или почти наверняка будет причинен» (Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) // www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/EUROPEAN_PRIVATE_LAW/EN_EPL_20100107_Principles_definitions_and_model_rules_of_European_private_law_-_Draft_Common_Frame_of_Reference__DCFR_.pdf).*

² В то же время п. 23 постановления Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» определяет умысел потерпевшего как «противоправное поведение, при котором потерпевший не только предвидит, но и желает либо сознательно допускает наступление вредного результата (например, суицида)».

не менее если основываться на комментариях разработчиков указанного разъяснения, то можно сделать вывод, что в рамках договорного права была предпринята попытка отказаться от всякого психического момента в умышленной форме вины¹.

Обе приведенные позиции на гражданско-правовую вину – сохранение психического умысла при поведенческой неосторожности и полностью поведенческая вина – не противоречат, на наш взгляд, букве закона, ведь определение невинности как соответствие поведенческому стандарту не предрешает ответа на вопрос о том, исчерпывается ли содержание гражданско-правовой вины только поведенческой составляющей. В тех случаях, когда гражданское законодательство придает значение определенной форме вины, судья не может ограничиться лишь констатацией нарушения стандарта должного поведения, т.е. вины вообще, но должен также установить конкретную форму вины правонарушителя, а для этого он должен иметь представление о критериях, по которым формы вины разграничиваются. И тут возможны два варианта.

Можно исходить из того, что определение невинности, приведенное в абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, является зеркальным отражением определения вины. Переформулировав его, получаем следующее: лицо признается виновным, если в отсутствие той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно не приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. При таком прочтении закона содержание гражданско-правовой вины исчерпывается поведенческой составляющей, а разграничение умысла и неосторожности основывается на том, насколько сильно поведение правонарушителя не соответствовало стандарту должно поведения.

Другой вариант толкования п. 1 ст. 401 ГК РФ предполагает, что он не отражает все содержание вины, подчеркивая, однако, первостепенность поведенческой составляющей. Первостепенность эта выражается в том, что соблюдение лишь внешнего стандарта достаточно для признания лица невинным, в то время как внутренние психические процессы на первый взгляд игнорируются. В случае же необходимости установить конкретную форму вины при нарушении стандарта невинности у судьи нет препятствий для того, чтобы провести границу между умыслом и неосторожностью по психической составляющей. При таком толковании закона получается, что при установлении вины может приниматься во внимание как поведение правонарушителя – поведенческая (внешняя) составляющая содержания вины, так и его психическое отношение к своему поведению и последствиям – психическая (внутренняя) составляющая².

¹ Тололаева Н.В. Указ. соч. С. 63–64.

² См. об этом также точку зрения В.А. Хохлова, согласно которой п. 1 ст. 401 ГК РФ объединяет как субъективные, так и объективные признаки в определении невинности: Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 1997. С. 140.